

Пряла вискозу, пряла и тополиный пух, Слюнила кончик, покачивала ногой. Синие иконы смотрели одна из двух, И за третью смолил другой. Это людям кумиры древесных птиц — Дятла или клеста — Говорили, мол, хочешь видеть кого — простись До самого дна проста. И на треть небесный аэродром Стриг дорогу густой слюной Прежней пряжи, ее совьем В пух и прах пополам со мной. Пополам сомнем, поделом с огнем Птичий стриж роет норы в нутро горы, Достает оттуда далекий дом — И внутри у него горит, А одна ничтожная из совья Отлетает прочь, не сама своя. У нее в крыле тополиный пух И вискозный оттиск, и веретен Всех надомниц не слышен стук, Потому что он за виском.

Кремль здесь кладется тенями, Даром в стене хоронили, Пусть и не в нашей, в другой. Тени весь свет потеряли, Нервно рассвет потирали О земляную ладонь.

Ложь, говорю, в свой светильник Честное пламя могилы, Чтоб языками тугими Жарить язык до кости. Если бы знали — могли бы, Если бы встали — легли бы Длинные плоские глыбы. Вечно теперь им брести. Бродит одна, как фонарщик, Лампа пуста и безвидна, Милостей жаждет монарших Или монашьих грудей. Воздух кругом, как повидло, Нечем дышать его тени, Некуда складывать. Легких Не завезли в эту тень.

День, пронзенный в нескольких местах И приколотый местами, где пронзенный, На четыре ветки колом стал Винтовой и скрученной промзоной, Потянулся лентами сапог, Вся кирза измазана в мазуте, У него на правой ветке смог, А на левой тоже перепутье, То же перепутье, да не то, Гладкое в шершавой сердцевине, Где четыре всадника в пальто Едут на себе, как на машине. Вот один, кентавр и китоврас, Руку изумленную подымет, В животе урчит иконостас Плоскими глазами налитыми. Что укажут, то и поглядят Сквозь тугую невидаль брюшины: Где там небо? Высоко ли Ад? Как в нем те, которые грешили? Ада нет, и неба тоже нет, Сквозь промзону ветер застревает. Третий всадник вышел на обед, Но наврал и едет на трамвае. Он уже сегодня не придет, У него зазноба в терпком масле Вся парит, и он, как идиот, Думает, на самом деле спас ли, Вынул ли из щелочных обид, Приколол ли грудью на подушку,

А она смеется и знобит С растворенным аспирином кружку. Пэтэушница, красавица, печать, Он такую вряд ли всю разденет. В этом деле главное — начать, А потом расстаться в этом теле. Так и скажут первый и второй, Только вскоре сами позабудут Этот промежуток небольшой, И зазнобу, и ее простуду. Им на память ляжет столько тел, И прокатится, и память общей станет, И отсюда сплавится в тотем На одном большом прокатном стане. Они сами молятся ему И об этом тоже забывают. Первый говорит: «На грудь приму, И в груди кого-то называют». А второй не слышит. Он живой По ночам, а утром внутрь родится, Проходя ногами с головой Через плоть и кровь, его водица Не свернется, но оставит виться Лестницу пролетной тетивой. И над этим зависает птица, На которой всадник нулевой.

Картонными лопатками спины Перебирает воздух заоконный. Его лицо не видно со спины, Не видной за очеркнутой колонной, Іде в комнате тугие голоса, Да нет, не в комнате, скорее даже в зале, Качают все слова за полчаса До полных фраз, которые сказали. Здесь дымно и накурено, и свет Не светит через дымную завесу, Но как-то сразу падает на всех И пригвождает к выбранному месту. Дом Архитектора, провинция конца Не века, но короткого отрезка Центрального трамвайного кольца, Которое останется без рельсов. Голодными глазами без ресниц Останется случайный посетитель, Не понимающий, что речь идет о них Стираться вверх до самых перекрытий.

Мапаша поет: «Не ходи калек, Ходи мостовых, Постовых». Солнце вспыхивает в один клик. Из полей Выходят саженцы, Видят голод, как в первый раз, На листах остывает клей. Мостовой человек Выгибает спину рифленых глаз, Видит гору, и как по ней Ночь спускается и поражает нас. Малаша — мед, Огнемет Ухо режет, Но струп неймет, И стыда неймет, И ниче неймет Статный голос между округлых свод. Ночь спускает ногу В пучину плеч. Не ходи околиц, Ходи колец, Там, где воздух сколот У белых лип. Постовой стрелец Плоско смотрит в лощину вод,

Где на сваях налипла слизь.